

Последний из Мастеров

К юбилею Игоря Ильинского

Сегодня Игорю Ильинскому исполнилось бы сто лет — и люди наверняка вспомнят его роли в «Волге-Волге», «Карнавальная ночь», Кутузова в рязановской «Гусарской балладе» и, пожалуй, Франца из «Праздника святого Йоргена». Работающие в газетах театроведы напомним людям о том, что Ильинский был любимым актером и учеником Мейерхольда, а потом, когда власть убила Мастера, принес свое мастерство в Малый театр. Он стал первым артистом первого театра Советской страны. То, чему он научился у проклятого и забытого Мейерхольда, обогатило художественную палитру самой реалистичной и традиционной из отечественных сцен. Здесь был свой парадокс — ведь актер Ильинский возник в переломное, порвавшее с традицией время и, по крайней мере в ранние годы, отразил его дух как никто другой.

Известия, 2001. — 24 июля. — с. 8
Алексей ФИЛИПОВ

Он пришел на сцену в двадцатые и попробовал все, чем был силен удивительно многообразный, яркий, богатый на художественные течения и режиссерские индивидуальности советский театр тех лет. Романтическая философия Комиссаржевского, реставраторские опыты Фореггера, спектакли Бебутова, Первая студия МХТ, Ленинградский театр драмы, «Летучая мышь», Театр революционной сатиры, Первый государственный театр для детей, оперетта, эстрада, цирк... Ильинский был идеальным артистом «левого фронта» — виртуозно владеющим своим телом и актерской техникой, гибким, выразительным, острохарактерным, решительно сбросившим груз «психоложества». В том, что он делал, было что-то от эстрады, что-то от цирка, многое шло от старых русских комиков, Варламова и Живокини (услышав раздающийся за кулисами варламовский голос, зал Александринки начинал хохотать)... Было и кое-что еще — даже в ранних, мейерхольдовских, построенных на биомеханике ролях прорывалось собственное отношение артиста к персонажу. Он не перевоплощался в своих героев, нелзя было спутать Игоря Ильинского и его героя, Аркашку Счастливецца, но в одной из сцен «Леса» звучала пронзительная, трогательная, шемящая нота, и зал забывал о том, что Ильинский — эксцент-

рик. В его творчестве жила традиционная для русской культуры тема «маленького человека», униженного и оскорбленного временем и обстоятельствами. Им у него становился даже Присыпкин из мейерхольдовского «Клопа». Критика двадцатых годов хвалила актера за то, что он беспощадно разделался с мешанином, но, когда посаженный в стеклянный ящик Присыпкин обнаруживал знакомое и понятное ему существо — клопа и, счастливый, начинал петь пародию на известный мещанский романс («Покусай меня, потом я тебя...»), зал, над которым тоже проводили социальный эксперимент, сопереживал антигерою.

А его Карл Иванович из вышедшей в сороковые годы, давно забытой радиопостановки толстовского «Отрочества» был наиболее полным воплощением «маленького человека» — второстепенный персонаж превратился в трагическую фигуру, несчастного старика, мыкающего жизнь по чужим домам, с чужими детьми... Впоследствии Ильинский перенес роль Карла Ивановича на эстраду (он много занимался художественным чтением) — и об этой его стороне, пожалуй, стоит сказать особо. У него было совершенно исключительное слово — яркое, объемное, не нуждающееся в картинке. Тридцатые годы и последовавшие за ними несколько десятилетий были временем расцвета замечательного советского радиотеатра, впоследствии начисто уби-

того телевидением, и Ильинский по праву стал его звездой.

В молодости Ильинский прошел через множество театров, но затем был верен одному. Наиболее известным периодом его жизни, безусловно, оказалось время связанное с ГОСТИМом, — роли Брюно, Аркашки Счастливецца, Присыпкина, Расплюева упоминаются во всех учебниках театра. В Малом театре, куда он пришел в 1938 году, Ильинский, разумеется, работал по-другому (хотя наиболее пронзительные критики уже в тридцатые годы подмечали движение артиста к «сочной и ясной традиции русского реализма»). Здесь он отдал ей полную дань — Ильинский играл и председателя колхоза Чеснока в пьесе Корнейчука (Госпремия СССР 1942 года), и матроса Шибалева у Вишневского, и многочисленных персонажей Островского. Его Аким в толстовской «Власти тьмы» оказался по-настоящему грандиозной ролью, символом, олицетворяющим будущую победу добра.

Критики писали, что молодой Ильинский стремился разобраться в самой сути сценического искусства: ломал штампы, искал новые приемы, брал свое и в цирке, и на эстраде и строил виртуозную технику из простейших элементов актерской игры. Тогда он отвергал психологический театр, затем к нему пришел, но игра по-прежнему осталась для него не работой, а образом жизни.

В глубокой старости Игорь Ильинский по-прежнему много играл на радио — его приводили в студию под руки, он был почти слеп, и ассистент режиссера переписывал для него роль огромными шестисантиметровыми буквами. Но, взяв в руки текст, артист преображался: немощь исчезала, наступало чудо театра — Игорь Ильинского заменял его персонаж... Сегодня исполняется сто лет одному из величайших русских артистов XX века, артисту, равных которому не было, нет и, возможно, не будет.

Игорь Ильинский не оставлял сцены до глубокой старости

Эльдар Рязанов:

Как Ильинский Кутузова оскорбил и как «Известия» выиграли Бородинскую битву

Снимать самого Игоря Ильинского в «Карнавальная ночь» я не собирался — робел, понимал, что корифей меня просто задавит. И когда Пырьев предложил его на роль Огурцова, я запаниковал: он же мой кумир с детства, знаменитый артист Мейерхольда, любимый народом Бывалов, потрясающий Хлестаков и Городничий, Фамусов и Счастливец, первый, кто сыграл Присыпкина! А на другой чаше весов — я, снимающий свою первую игровую картину!

Ильинский читал сценарий, а я мечтал, чтобы он отказался. Но на первой же встрече кумир и классик меня сразил — был необыкновенно деликатен и ничем не выказывал своего старшинства. Немного поговорили о Бывалове, и я понял, что мы единомышленники. Партнером Ильинский оказался прекрасным — совсем лишен гонора и самоуверенности, и у нас не было ни одного конфликта. Как безупречный профессионал, он привык серьезно относиться к профессии режиссера, и это именно он задал на съемочной площадке тон уважитель-

ного отношения ко мне. Ничем не давал почувствовать разницы в опыте, положении, возрасте, и я открыл в нем еще один талант, которым обделены столь многие, — талант чуткости и такта. Тогда я понял: чем крупнее личность, тем меньше в ней фанаберии.

Его всегда бушевали сомнения: точно ли выбрана краска, правильно ли взят тон. Когда в фильме «Человек ниоткуда» я предложил ему роль Чудака — дикаря, который попадал в Москву, — он сам решил, что здесь нужен артист помоложе. Я его долго улачивал, и он стал сниматься. Нужные для роли наивность и детскость у него получались гениально, но они противоречили всей его психофизике. Он это понял гораздо раньше, чем я, и в конце концов сказал, что не чувствует себя вправе играть Чудака. Мы расстались в самых добрых отношениях.

К 150-летию Бородины я затеял поставить «Гусарскую балладу». Но в Минкульте сочли пьесу Гладкова легкомысленной для юбилея. К тому же роль Кутузова я предложил Ильинскому — это вы-

звало на студии шок: когда появится такой Кутузов, говорили мне, зрители покатаются со смеху! Дальше — больше: сам Ильинский категорически отказался: «Я ж намного моложе тогдашнего Кутузова!». Но я был уверен в своем выборе и сказал Ильинскому, что вся студия мечтает видеть его в этой роли. А на студии сокрушался, что никого не могу найти достойного. Так удалось снять с Ильинским эпизод проезда фельдмаршала перед войсками. А потом снег стоял, и переснимать было уже невозможно — студия оказалась перед свершившимся фактом. А Ильинский увлекся и играл с удовольствием. Он вызывал не только смех, но, мне казалось, и любовь, что не помешало Министрству культуры заключить, что я оклеветал образ великого полководца. Фурцева потребовала все переснять, и юбилейный показ картины был отменен.

Тем бы все и кончилось. Но за неделю до Бородины картину захотели посмотреть в газете «Известия», где редактором был Аджубей, зять Хрущева. Я напялил галстук и помчался на Пушкинскую. Там

никто еще не знал о решении Фурцевой и о том, что Ильинский оскорбил Кутузова. Аджубей привел восьмилетнего сына, но, как только на титрах запыли «Давным-давно», тот закричал, что не хочет это смотреть. Главный редактор взял его за руку и покинул зал, и я понял, что это конец. Происходящее на экране теперь казалось мне омерзительным. Все смеялись и после просмотра поаплодировали, но сплывший сынишка и вернувшийся Аджубей ничего не сказали.

А вскоре в «Неделе», приложении к «Известиям», появилась рецензия Наталлы Лордкипанидзе — она фильм хвалила и особенно отмечала замечательную игру Игоря Ильинского. И сразу все пошло как в сказке. Не думаю, что это случилось бы, появившись рецензия в другой газете, но на выступление известинской «Недели» реакция была молниеносной: уже через день на фронтоном кинотеатра «Россия» красовалась афиша моей картины, и на ней победно улыбался фельдмаршал Кутузов — народный артист Игорь Ильинский.